

Редакционная коллегия:

Б. И. Козлов (и. о. главного редактора),
В. В. Бабков, Вл. П. Визгин, В. А. Волков,
В. Л. Гвоздецкий, В. Г. Горохов, С. С. Демидов, Ю. А. Жданов,
С. Г. Кара-Мурза, В. П. Карцев, С. П. Капица, В. Ж. Келле,
В. И. Корюкин, В. И. Кузнецов, А. М. Кулькин, Л. А. Маркова,
С. Т. Мелюхин, В. М. Орел, С. Я. Плоткин, Л. С. Полак, А. И. Половинкин,
Б. В. Раушенбах, И. А. Резанов, В. Н. Сокольский, А. Л. Тахтаджян,
Д. Н. Трифонов, А. Н. Шамин, М. Ю. Шевченко (ответственный секретарь),
Б. Г. Юдин, М. Г. Ярошевский

Заведующая редакцией *М. М. Королёва*

Технический редактор *Синицына Е. В.*

Сдано в набор 14.06.90. Подписано к печати 10.08.90. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 31,1 тыс. Уч.-изд. л. 18,3 Бум. л. 5,5
Тираж 2139 экз. Зак. 109 Цена 2 р. 20 к.

Адрес редакции: Москва, 103012, Старопанский пер. 1/5
Телефоны: 928-11-90, 924-45-40, 928-10-29
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

И. З. НАЛЕТОВ

НАУКА И ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Существует иллюзия, что перестройку во всех сферах общественной жизни, формирование нового политического мышления можно осуществить на старом философском базисе, обойдя стороной проблемы обновления мировоззрения и метода. Такая позиция формируется из разных источников. С одной стороны, разочарование в материализме и диалектике, которые в период сталинизма и застоя не выполнили своих притязаний на роль целостной, единственно научной и практически-действенной философии. С другой, — что внушает значительно больше беспокойства, — проявление далеко не новых консервативных в своей основе убеждений, что марксистско-ленинская философия не требует никаких преобразований в своей теории, по крайней мере существенных, что в ней «все было правильно». Ошибались-де лишь социологи, экономисты, политики, неумело используя диалектику в практической деятельности или недостаточно усвоив материализм. Исправлению в таком случае подлежат лишь практическая деятельность, стратегия и тактика строительства социализма в нашей стране, а не сама философская теория.

Как ни странно, обе эти тенденции: попытка обойти разработку фундаментальных философско-методологических проблем «слева» или «справа» — в перспективе сближаются. Уже сейчас помимо торможения процесса перестройки результаты их сближения дают о себе знать в воспроизведении устаревших стереотипов мышления, ставших одиозными идеологическими клише, появлении публикаций, оправдывающих старый, «застойный» стиль мышления, возрождении дискредитировавших себя методов и подходов к решению новых вопросов.

В этой ситуации представляется совершенно необходимым беспристрастный и глубокий анализ реальной истории нашей философии, форм ее взаимодействия с наукой и практикой в контексте периодов, которые мы называем сталинизмом и застоем. Их история как будто соткана из парадоксов. Трудно оценить ее вполне объективно, ибо любое прикосновение к ней вызывает у многих болезненную реакцию. Возможно, именно поэтому она остается «зоной умолчания». И все же барьеры торможения один за другим рано или поздно нужно преодолеть, какие бы эмоции это ни вызывало.

Метаморфозы диалектики

Мы хорошо знаем теперь о последствиях неприкрытого варварства в советской науке периода 30—40-х годов. Оно нанесло нам тяжелейший материальный и неподдающийся измерению — просто нет подходящего эквивалента — моральный урон. Однако мы не вполне отдаем себе отчет в том, какой ущерб

в обоих этих измерениях нанесен науке и философии той атмосферой, которая царила в обществе в период застоя, когда место культа личности занял культ безличности. Зная горький вкус его плодов: субъективизм, групповщина и даже произвол в науке вкупе с другими «интеллектуальными» проявлениями, такими как снобизм, воинствующая посредственность, нетерпимость к инакомыслию и т. п., — мы обязаны изучить (это задача на будущее) и более глубокие их социальные корни.

Философам пора открыть не только социальную подоплеку, но и секреты методологической «кухни», на которой готовились различного рода интеллектуальные «блюда» периода застоя. Какими бы нелепыми, неудобоваримыми они ни казались, их рецепты должны быть обнародованы. Иначе не избежать нам и впредь повторения старых «меню». Какую роль сыграли сами наши ученые и философы в формировании типичного для данного периода образа мышления, какова его, так сказать, концептуальная сторона? Попытаемся ответить на этот вопрос хотя бы в общих чертах, имея в виду лишь одну тенденцию, повлиявшую, возможно, сильнее прочих на интеллектуальный климат в науке того времени.

Застойные тенденции в общественной жизни, усиление консервативных умонастроений требовали построения замкнутой философской системы, в которой части были бы строго взаимосогласованы, приведены во всеобъемлющую, «гармоническую» систему. Естественным образом выживали в этой среде такие социально-философские концепции, которые «снимали» (не выявляя и не разрешая их) все наиболее острые противоречия нашего бытия. Соответственно этому своеобразную метаморфозу претерпевает диалектика, начавшая было в 60-е годы освобождаться от оков догматизма и начетничества. Причины и внутренние механизмы этого процесса нуждаются, разумеется, в более детальном рассмотрении и оценке. Ясно, однако, что в 70-е годы вовсе не «спонтанно» у целого ряда философов возобладало стремление к построению абстрактных, умозрительных схем, к выведению конкретного научного знания из некоторых исходных общих положений, коим придавалась удобно-абсолютизированная форма. Нужна была именно такая философия — и она появилась. «Социальный заказ» на данного типа продукцию сыграл в этом вторичном перерождении диалектики, безусловно, решающую роль, но часть пути ему навстречу прошли и сами философы.

Своеобразным интеллектуальным фоном этого процесса стало усиление гегельянских веяний среди наших философов. Причем отдадим должное: многим из них мы обязаны возрождением, можно сказать, из пепла, оставленного сталинской когортой толкователей исторического прошлого, гегелевского наследия¹. Гегель, «воскресший» в 50—60 годы вместе с возрождением диалектики, чтобы обрести свою вторую жизнь как трубадур раскрепощенного духа, как философ открывшихся возможностей, слишком скоро занялся вновь оправданием существующего. Гегель, который помог понять тайны логики «Капитала», отойти от примитивизма сталинской философии, лет этак за 15 превратился вновь в дряхлого старца, апологета административно-бюрократического стиля управления. Гегельянские умонастроения стали существенной «философской компонентой», которая питала идеи «развитого социализма». Она была необходима социальной системе, в которой все части гармонически связаны, строго соответствуют одна другой и требуют лишь некоторого совершенствования, небольшой шлифовки в деталях для плавного вхождения в общество полной гармонии и благоденствия.

¹ Это направление философских исследований дало, конечно, немало ценных результатов. Оно и сейчас продолжает питать развитие нашей философии соками из еще не освоенных пластов гегелевской мудрости. Далее речь идет об одной (но довольно сильной) струе этого течения, сомкнувшейся в 70-е годы с социально-философскими изысканиями, где консервативные умонастроения брали верх над действительно творческими.

Под магическим действием этих «панлогических» веяний целый ряд метаморфоз происходит и в методологии. Возродив Гегеля и уверовав в силу *диалектики как логики*, философы данного круга все меньше и меньше ощущают нужду в эмпирическом научном материале, высказывают все больше высокомерия по отношению к нему: «истинному» философу он становится порой даже помехой. Особенно когда «социальный заказ» не слишком требователен, мягко говоря, к этому пункту.

В методологии формируется, таким образом, вполне определенная шкала ценностей. На самом верхнем ее уровне располагается Логика «с большой буквы» как главное средство теоретического, абстрактного мышления. Чуть ниже, но в непосредственной связи с логикой (или почти сливаясь с нею на почве вековых традиций диалектики) — историко-философский материал. Из всеобщих (конкретно-всеобщих) посылок как главного гаранта научности и истинности выводятся все прочие конкретные факты науки и рекомендации для деятельности.

Значительно меньше внимания уделяется истории науки и истории общества — они не очень хорошо вписываются в систему Большой Логике. Но в самом униженном положении, как это ни странно, оказываются современные данные науки и ее ближайшая история, как правило, плохо согласующиеся с «вечными», абсолютными истинами, установленными Гегелем и Марксом.

Даже в лучших работах этого периода диалектико-логическая «парадигма» методологии строится на базе выведения конкретного знания из общих положений материализма и диалектики, принятых за непререкаемые истины. Задача философа сводится, таким образом, к тому, чтобы «еще раз» подтвердить, проиллюстрировать правильность принципов диалектики и материализма, с одной стороны, и способность их «помочь» решению той или иной частнонаучной проблемы — с другой.

Существовала, впрочем, еще одна — онтологическая тенденция в методологии 60—70-х годов, заключавшаяся в стремлении авторов изучать конкретный материал частных наук, участвовать в решении их фундаментальных проблем путем философского обобщения, категориального анализа их фактических и теоретических данных. В поле зрения авторов, представляющих эту тенденцию, оказывались также процессы формирования общенаучных дисциплин, интеграции научного знания. В рамках данной концепции методологии науки главный акцент был сделан на индуктивном методе построения научного знания, включая универсальные философские положения и принципы.

Правоммерно, по-видимому, говорить также о гносеологической концепции в методологии указанного периода, рассматривавшей взаимосвязь философии с частными науками главным образом как опосредованную решением основного гносеологического вопроса. Гносеологическая концепция исходила из невозможности непосредственной связи философии с объективной действительностью, взаимодействия между ними через посредство совокупности знания, накапливаемого частными науками — физикой, химией, биологией и т. д.

Само по себе наличие этих тенденций было бы вполне закономерным, ибо таковы основные стороны познавательного процесса вообще. Реальное научное познание едва ли мыслимо без какой-либо одной из них. Нельзя представить его абсолютно свободным от всякой односторонности, преувеличения разными авторами роли той или другой, без определенного в каждом отдельном случае предпочтения. Некоторая односторонность указанных выше методологических концепций оправдана не только объективно — противоречиями познания и практики, но и субъективно — как форма благородной научной увлеченности, заинтересованности, концентрации интеллекта и воли на одной проблеме или группе проблем. Науке, а следовательно, и научной методологии противопоставлена не сама по себе односторонность мышления, а крайние формы ее проявления вкупе с такими субъективными моментами, как снобизм, нетерпимость, авторитарность, зазнайство и т. д.

В период 60—70-х годов были, как известно, перекосы и в сторону чрезмерной онтологизации философско-методологических исследований, когда построение философского знания и его влияние на науку мыслилось как последовательное обобщение частнонаучного материала, допускалась искусственная экстраполяция специальных теорий — физических, биологических, кибернетических и др. — на все области знания. Философское освоение нового научного материала, развитие основных положений материализма и диалектики на этой основе, встречное движение философов и естествоиспытателей в познании мира, очевидно, не могло быть полностью свободным от таких «турбулентностей».

И все же исследователь истории науки и советской философии этого периода будет, по-видимому, немало заинтригован тем, что именно диалектико-логическая концепция методологии оказалась более всего «соответствующей» социально-политической ситуации в стране. Так, диалектика на новом витке исторического развития нашего общества вновь оказалась слишком сопричастной механизмам административно-командной системы, не смогла перебороть искушение властью. В силу целого ряда особенностей диалектика утратила чувствительность к реальным жизненным проблемам, новым научным данным и потребностям современной науки. Именно она исповедовала «полное соответствие» во взаимоотношении между марксистско-ленинской философией и наукой, считая в то же время последнюю знанием «второго сорта». Внешне показательные черты этого союза: «сознательное овладение и использование» учеными материалистической диалектики как универсального метода научного познания, с одной стороны, и полное «соответствие марксистско-ленинской теории задачам и требованиям современной науки» — с другой. В рамках этой концепции исключалось какое-либо несоответствие фактов науки или научных теорий положениям диалектического и исторического материализма.

Если и возникало то или иное «сопротивление» одной из этих сторон другой, дело кончалось «полюбовно», но, само собой разумеется, с большей любовью к незыблемым истинам марксистской философии. А следовательно, путем соответствующей «диалектической» интерпретации научных фактов или просто их отбрасывания. Всякая новая постановка вопроса проходила через «таможню» соответствия принципам марксизма-ленинизма, и в первую очередь «высшим» его ценностям, таким, как партийность философии, верноподданнические отношения к государству и святость классического наследия.

Не естественно ли, что в рамках диалектико-логической концепции функция научных данных, фактов все чаще сводилась, как и в сталинские времена, к очередному подтверждению правильности положений марксизма-ленинизма, «доказательству доказанного», только окольным путем — через ряд историко-философских циклов. По второму кругу, пройденному единожды в сталинские времена, система категорий и законов диалектики начинает вновь обрастать массивом подретушированных, подлакированных фактов и даже «закругленных» по углам теоретических концепций. С деятельностью большой и разветвленной группы философов, социологов, политических деятелей, прямо или косвенно исповедовавших эту систему ценностей и принципы диалектико-логической методологии, связан большой пласт бытия нашей науки и культуры означенного выше периода. Именно в этой социальной нише вполне синхронно культивировались, с одной стороны, идеи «развитого социализма», «социально однородного общества», «гармонически развитого человека», «монолитной сплоченности партии и народа» и т. д., а с другой — вполне определенная сумма философских идей, методологическая «парадигма», составляющие вместе мощный рычаг идеологического воздействия на науку.

Впрочем, это «воздействие» осуществляется не только «выравниванием» разнокалиберных величин и сглаживанием острых вопросов, но иногда и нарочитым их заострением, когда речь идет, например, об обострении идеологической борьбы между двумя мировыми системами, о ревизионистских течениях «внутри марксизма», о диссидентах в литературе и искусстве, проникновении позитивизма в естествознание и т. д. Поэтому было вовсе не редкостью, когда

всеми уважаемый профессор по причине своих занятий формальной, а не диалектической логикой, а также по поводу своих справедливых замечаний о «топтании на месте» в научной разработке категорий диалектики мог прочесть со страниц партийного журнала наизусть от мало кому известного кандидата философских наук, хорошо усвоившего азы марксизма: «Более точным было бы самокритичное признание того, что они (т. е. такие, как профессор. — И. Н.) от этих принципов отодвинулись...» [1, с. 116]. А с менее маститыми искателями истины та же печать обходилась и построже: «Вместо „более полного освоения идейно-теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма“ оказалось, что автор либо неверно, с искажениями излагает мысли классиков, либо их не понимает» [2, с. 115].

Жертвуя новыми данными науки, фактами жизненного опыта, не укладывающимися в затверженные философские схемы, подобная методология приносит в жертву целые направления или области научных исследований. К числу последних относятся, например, философские проблемы естествознания, философия техники, формальная логика, философия языка и т. п., а вместе с их философским осмыслением тратятся и соответствующие отрасли науки, не утвердившие еще своих позиций: генетика человека, информатика, психолингвистика, биокibernетика и др.

Не будем останавливаться здесь на вопросе «почему?». Он достаточно ясен. Ведь что такое естествознание, как не возмутитель спокойствия в атмосфере всеобщего летаргического сна? Слишком вызывающе ведет себя этот Ахиллес, которого постоянно вынуждена догонять и одергивать философская черепаха... Интереснее (по крайней мере с методологической точки зрения) вопрос «как?» Как подводится под это странное предприятие «диалектико-логическая» база и как облачают все вместе взятое формулы псевдосоциалистической идеологии?

Доказательство доказанного

Заметим, что само по себе «доказательство доказанного», или повторение прописных истин марксизма, — вовсе не простое повторение пройденного, чтобы лучше запомнить. Это ритуал, вполне определенное социальное действие, в итоге которого и сама истина, и приобщившиеся к ней получают совершенно новое качество. Во что, например, превращается великое открытие Маркса о том, что сущность человека есть совокупность общественных отношений, если при этом начинают забывать (или попросту умалчивают) о других его качествах? Поднимается ли авторитет марксизма, исторического материализма, если в целом ряде публикаций нас начинают убеждать, что за пределами общественных отношений нет ничего «истинно человеческого», что у ребенка, например, нет никаких врожденных способностей, задатков, а талант — сугубо общественное явление, что только социальная программа определяет уникальность человеческой психики и индивидуальное ее проявление. «Развитие человеческих свойств, — пишет, например, акад. Н. П. Дубинин, — в индивидуальном становлении личности, и вся ее сознательная поведенческая активность осуществляется на основе социальной программы, под ее контролем» [3, с. 64].

Глубокий смысл тезиса Маркса, направленный на то, чтобы указать в человеке одну из главных, определяющих сторон (которую философы не видели до него), открыть тем самым горизонты всестороннего изучения и на этой основе гармоничного развития человека, по существу выворачивается наизнанку, когда под эгидой этого тезиса провозглашается полный разрыв между природным и социальным в человеке. Одним «взмахом пера» аннулируются генетический, физиологический, нейропсихический и другие аспекты личности. Как будто для социального бытия человека неважно, молод он или стар, эмоционален или бесчувствен, болен или здоров, что он обладает определенными задатками от рождения, что он, наконец, смертен.

В практическом плане истина, открытая Марксом, несомненно, приобре-

тает от такого весьма плоского ее толкования иное социальное качество. Вместо гармоничного развития она предлагает всестороннюю унификацию личности, подведение ее под единый социальный стандарт. Ведь многообразие не рождается из единообразия. Но именно наведение единообразия и было реальностью социальных программ, которые воплощались в жизнь в 70-е годы. Вольно пользуясь не только авторитетом Маркса, но и авторитетом науки, авторы, представляющие подобную линию в методологии, ко всему прочему переходят тот рубеж, с которым связаны действительно марксистские представления о научности. Поднимается ли престиж науки, когда ученый, некогда боровшийся против ретроградов сталинской школы, начинает сам извергать запреты на любое движение мысли вперед, к изучению генетики человека, психофизиологических, нейрофизиологических, нейропсихологических и целого ряда других проблем, связанных с природой и возможностями человека? Не имеет научного оправдания и его главный аргумент «от незнания», строящийся на том, что предпринимавшиеся до сих пор попытки доказать различие нормальных людей по интеллекту и их зависимости от генов «интеллектуальности» ничего не дали.

В ответ на его советы «печатать шаг на месте» возникает лишь серия вопросов самого различного плана. Нужно ли, например, авторитетному ученому спешить со своим правом «вето» на научные исследования, не оглянувшись хотя бы на опыт своей научной молодости, не вспомнив печальную историю с генетикой и кибернетикой? Зачем с таким апломбом крушить идею прямой связи между наследственностью и психикой, сознанием человека, если никто из серьезных ученых и философов этого и не утверждает, — ведь речь идет в любом случае о связи *опосредованной*: через структуру и характер связи между нейронами, через формирующийся таким образом психический склад — к тем или иным предрасположениям, предпочтениям, способностям и далее — к определенному типу личности, к вариантам ее социального выбора и т. д. Для каждого ученого, стремящегося установить вехи впереди, а не позади движения познания, не только правомерна, но и весьма актуальна задача изучать эту «цепь» зависимостей во всех ее звеньях, обращая внимание не только на прямые, но и опосредованные, а также обратные взаимодействия и влияния.

Весьма своеобразное, но столь же вольное, на наш взгляд, использование получает известное положение Маркса (о человеке как совокупности общественных отношений) и в теории воспитания. С методологической точки зрения здесь есть важные темы для размышлений относительно того, как, например, должны соотноситься в науке логика, с одной стороны, и факты — с другой. Проследим сперва за логикой некоторых теоретиков в области образования и воспитания. Если человек — существо сугубо общественное, рассуждают они, то можно сказать: от рождения ему не свойственно «ничего человеческого». Но если это так, то общество способно, так сказать, от нуля строить психику человека.

Находится база для «абсолютно чистого» эксперимента, призванного подкрепить «чистую» логику. Это специальная школа для слепоглухонемых детей в г. Загорске, деятельность которой с этого момента «подвергается» под необходимость доказать данную истину. Благородный, подвижнический труд коллектива школы приобретает с этого момента еще одно — философско-теоретическое измерение. Требуется доказать, что «даже при таком, казалось бы, непреодолимом препятствии, как полное отсутствие сразу слуха и зрения, можно вывести ребенка на путь полнокровного человеческого развития и сформировать не только в нем психику вообще, но и психику самого высокого порядка, открыв ему доступ ко всем сокровищам человеческой духовной культуры и воспитав из него всесторонне развитого, по-настоящему талантливого человека» [4, с. 69]. Что же, действительно гуманная задача, важный как с социальной, так и с научной точки зрения эксперимент.

Однако насколько уместно при этом ученому ли, философу ли смотреть на подобный эксперимент всего лишь с точки зрения подтверждения собственной концепции, тем более что речь идет о детях с их трагическими в данном слу-

чае судьбами. Не превращаются ли они, когда задача ставится таким образом из *цели*, на которую направлен научный поиск, всего лишь в *средство* удовлетворения научных притязаний? Когда объектом изучения, будь то теоретическое или экспериментальное, становится человек, неперенным императивом исследования (хотя это общее правило науки) должна быть максимальная открытость темы для всестороннего обсуждения, обязательный учет других подходов и методов, а не утверждение, закрепление собственной позиции как *единственно возможной*. С чем же мы сталкиваемся в рассматриваемом случае? Вместо открытого для других мнений анализа, дополнения и корректировки данными других, кроме «деятельностной», концепций воспитания фактическое закрытие темы («зоны») как окончательно решенной под победные реляции.

Не могут не шокировать и некоторые другие детали изложения этой темы, касающиеся стиля мышления, его методологической линии. Коль скоро во главе угла стоит марксистский в целом подход к проблеме воспитания и действительно важное, можно сказать, государственное дело, трудно осуждать мелкое лукавство теоретиков, так или иначе вдохновляющих его. Слишком уж несоизмеримы значимость практической борьбы за судьбы детей в Загорской школе, с одной стороны, и тщеславное стремление ее теоретиков подогнать реальные факты этой деятельности под отстаиваемую теоретическую схему — с другой. Уместно ли, даже во имя благородной идеи, фальсифицировать, «подшлифовывать» факты, утверждая, например, что в руки воспитателей попадает существо, не обнаруживающее никаких признаков человеческой психики, ни даже примитивных проявлений целенаправленной деятельности, ни слуха, ни зрения. Тогда как в действительности речь идет о судьбе детей, которые все же не абсолютные «нули» от рождения. Практически все они в той или иной степени обладали в первый период своей жизни либо слухом, либо зрением, не говоря уже о наличии других нормально функционирующих органов чувств. Казалось бы, незначительные нюансы. Они действительно не заслуживали бы внимания, если бы не были характерной чертой стиля мышления 70-х годов. Показательны они и для теоретической концепции, сводящей все качества человека к набору социально регулируемых параметров.

С точки зрения оценки отдельных рассмотренных нами частных случаев в этих «нажимах» на одну сторону и умалчивании о других в исследовании проблем личности, в разного рода «натяжках» и односторонностях было, по-видимому, все же больше личной увлеченности, истового желания убедить в своей правоте, чем намеренного, сознательного обмана. Были и иллюзии, активно поддерживаемые определенным «социальным заказом» того времени. Ведь не только упомянутые — многие ученые и философы 70-х годов оставляли в своих произведениях наряду с печатью таланта и следы социальной деградации. Дело, таким образом, не в лицах или, во всяком случае, не только в них. Как правило, они и сами в разное время оказывались, согласно общим правилам игры, жертвами того же стиля мышления. Дело в самом социальном механизме управления наукой, который был характерен для застойного периода. Оценивая личные качества и научные заслуги отдельных ученых, мы должны избежать худших его традиций: очернения одних и канонизации других. Вместо создания портретных галерей и почетных списков «лучших» философов и ученых, появляющихся в последнее время в нашей печати, полезнее был бы конкретный методологический и историко-научный анализ самого стиля мышления, складывающегося в контексте разных этапов эволюции нашего общества.

Вненаучные аргументы

Немалую роль в системе ценностей и стиле мышления застойного периода играли, как видно уже из предшествующего изложения, разного рода вненаучные средства аргументации «истины», начиная от цитат из классических произведений и кончая политическими обвинениями с наклеиванием «ярлыков».

Весьма «действенным» в этом плане средством были и, что особенно пикантно, продолжают быть до сих пор обвинения философов и ученых в позитивизме². По самой сути диалектико-логической концепции в методологии, обрисованной выше, нет ничего странного в том, что именно ее сторонники активно взяли на вооружение эти испытанные уже при Сталине средства и способы философского доказательства. Характерно, однако, что помимо своей очевидной идеологической нагрузки они обнаруживали, как правило, незнание сути и исторического пути этого философского направления.

Под эту «статью» в 60—70-е и даже 80-е годы подводились порой попытки философского осмысления научных данных, которые в принципе были невозможны без использования специальной научной терминологии, конкретизации универсальных категорий и принципов диалектики, уточнения целей и средств самой методологии системно-структурными, информационными компонентами. В трудной, самоотверженной работе философов по изучению огромного, накопившегося за многие годы материала частных наук усматривалось лишь «псевдоноваторство, выражающееся в забвении основополагающих хрестоматийных истин философии, вольное или невольное противопоставление этим истинам новых научных данных, незрелые, скороспелые выводы из них, претендующие на универсальное значение» [5, с. 76].

Позитивизм выискивался и в стремлении некоторых философов выразить многослойность, сложную структурированность современного научного знания, проходящего стадии интенсивной дифференциации и интеграции. Выделение в науке разных уровней познания не могло не вести и к образованию соответствующих уровней методологии, к необходимости специальной методологической «доработки» общих философских положений материализма и диалектики. Вместо этого предлагалось признать, что система универсальных принципов марксизма — все, что необходимо и достаточно для решения любой научной проблемы. «Необходимо преодолеть встречающиеся порой в научной работе тенденции к обособлению и даже противопоставлению мировоззренческой функции философии, попытки подмены диалектико-материалистической методологии методами частных наук, противопоставление „философской методологии“ и „методологии науки“, проникшее не только в научную, но и в учебную литературу, сведение методологии и логики науки к сумме субъективных приемов „гносеологической обработки“ объекта исследования в духе позитивистской традиции» [5, с. 76].

Странным образом позитивизм усматривался именно в попытках онтологического анализа данных науки, стремлении обобщить и осмыслить новый научный (главным образом естественнонаучный) материал. Хотя было известно, что позитивизм в лице наиболее крупных своих представителей не имел — на всех фазах своей эволюции — ничего общего с такой задачей. Более того, он выступал именно как антипод натурфилософии и метафизики (в близком к аристотелевскому смысле этого слова). И наоборот, некоторые черты позитивистской философии: индуктивизм, логицизм, догма обязательного эмпирического *подтверждения* научного знания и др. — были присущи в той же мере нашей «диалектико-логической» методологии. Ее представители, борясь с онтологией и философией естествознания, незаметно для себя оказывались в ловушках позитивистского стиля мышления. Мало кого из них, однако, интересовали такие тонкости. Все было гораздо проще — важен был прежде всего непосредственный идеологический эффект. Однако стремление к идеологическому эффекту дает побочные, зачастую весьма неожиданные результаты в науке и социальной практике. Так было и в данном случае.

С точки зрения ревнителей «диалектической логики» философия не отражает непосредственно окружающую действительность, ибо не имеет для этого соответствующих средств. Она «работает» только со вторичным материалом, т. е. со

² Этот вопрос, по нашему мнению, должен быть рассмотрен специально.

знанием, приготовленным для этого конкретными науками. Поэтому философам следует избегать объективирования содержания частных научных теорий. Они вправе говорить не о самой действительности, как бы заимствуя чужую мудрость и прибегая к чуждому философии языку, а только о знании как таковом, безотносительно к объективным процессам природы и общества, в нем отражаемым.

Словом, изучение проблем диалектической логики и истории философии — исходный и конечный пункт движения мысли, не смеющей опускаться до конкретики микромира, структуры Вселенной или, скажем, природы бессознательного. Отказ по этим мотивам от обобщения естественнонаучного материала и даже «запрет», выраженный, как правило, в весьма категоричной форме, снабженный соответствующими атрибутами «вненаучного» доказательства вроде обвинений в позитивизме, объективно подрывал с таким трудом восстановленное после сталинского «мертвого сезона» здание союза философии и естествознания. Потеря профессионализма и воинствующий дилетантизм в вопросах науки становились нормой философствования. «...Тяготение к упрощенным пониманиям и неумение разобраться в сути той или иной новой фундаментальной теории создавали благоприятные предпосылки для вульгарных оценок и наклеивания идеологических ярлыков на научные достижения», — замечает В. С. Степин [6, с. 7].

Едва «зафиксировав» свой научный вес после полнейшей дискредитации в истории с генетикой, кибернетикой и другими передовыми отраслями научного знания, диалектика 70-х — начала 80-х годов вновь начинает вести сложные подкопы под союз философии и естествознания. Без репрессий, без шумных процессов, зачастую даже без «оргвыводов» на идейно-нравственном или идеологическом уровнях идет процесс методичного отпугивания диалектики от науки и наоборот. На словах — стремление оградить науку от «тлетворного влияния» буржуазной философии, преодолеть «тягу» естествоиспытателя к позитивизму и пр., на деле — постепенная утрата научности, вольное или невольное оглушение диалектики.

Уходят в тень истории ниспровергатели генетики и кибернетики. В честь прежде гонимых ученых произносятся громкие, но запоздалые здравницы и — нечленораздельным бормотанием — слабые оправдания. Однако по мере того, как сгущается атмосфера застоя в обществе, поднимается новая волна «критических» публикаций, главный пафос которых — пресечь ростки неканонического мышления, поиски нетрадиционных путей в философии и науке. Консерватизм возрождается, конечно же, не в откровенно догматических и ретроградных формах. Однако если на страницах ответственных изданий говорится об «опасности соскальзывания в позитивизм» или о «нечестной игре» (в связи с теорией игр и решений), или о «ловле бочек, подброшенных буржуазными идеологами», и т. д. [7, с. 118], то сам перечень подобных сетований, которыми пестрят некоторые публикации 70-х годов, воспринимается не иначе как свод запретов.

Под этот свод помещается все, что не вписывается в принятые стереотипы мышления. Не «вписывается», например, расширенная кибернетическая трактовка цели в привычное представление о том, что «только человеку свойственна целеполагающая деятельность», — значит, всякие попытки исследования систем управления, имеющих биологическую или информационную природу, надо прекратить — как бы чего дурного не вышло. Не укладывается понятие «информация» в рамки категорий «материальное — идеальное» — пресечь разговоры об информационной стороне мышления. Не «стыкуется» концепция бессознательного с теорией «сознательной деятельности личности социалистического общества» — не допустить «сползания» нашей философии к «фрейдизму»! Не согласуется «семантическая трактовка научной теории» с «нормальным» представлением о ней как об отражении материальной действительности — значит, она «от лукавого» и т. д.

Мизансцены в этой режиссуре хорошо знакомы по прежним временам. Есть классики, которые «обо всем написали» и «все объяснили» (хотя ведать не ведали о кибернетике, информатике, семиотике, лингвистике и пр.). Или, наоборот, они «так не думали» и «про это не писали». Поэтому нужно хорошенько выучить их и логически правильно применить, а не «высовываться», не оригинальничать. Есть в этих мизансценах своего рода «жрецы от марксизма», которые точно знают, о чем писали или не писали классики. Сомнения подобным арбитрам не свойственны. Сами они недостижимы для критики. Во-первых, потому, что держатся за «абсолютные» истины: $2 \times 2 = 4$; материя первична; свобода — осознанная необходимость; сознание — сугубо социальное явление; Вселенная бесконечна, и потому не может быть никакого ее начала вроде «первовзрыва»; сущность человека — совокупность общественных отношений и т. д. — и ни на йоту не отступают от этих истин. Во-вторых, на страже их правоты еще и принцип партийности философии, не допускающий никаких колебаний в главных вопросах мировоззрения.

Странно, но в этих «сценариях» продолжают присутствовать и иные действующие лица — «отступники», упорно сбивающиеся с верного пути, со «столовой дороги науки», зачем-то избирающие всегда не слишком исходненную, тернистую тропу и сомнения вместо «нетленных истин». Это именно те, к кому обращаются вежливо оформленные предостережения не столько о реальных трудностях этого пути, сколько о возможных персональных последствиях за непослушание. И если случаются неточности и оговорки, корявости в языке «идущих тропой» (без чего новая мысль ни в кои веки не рождалась), то тем хуже для них — лишний повод напомнить *всем* об *ответственности* за печатное слово, перепутав сами идеи и научные подходы с формой их выражения [7]. Таков один из самых «ходовых» рецептов методологической «кухни» 70-х годов, в котором столь своеобразно сочетаются требования об «ответственности печатного слова» с полной безответственностью за судьбу новых направлений в науке, за развитие живой марксистской мысли.

Если продолжить сравнение данной ситуации с театром, ее нельзя назвать в полном смысле слова трагедийной. Для такого жанра в 70-е годы уже отсутствует обычная концовка — «соответствующие оргвыводы» по отношению к последней категории действующих лиц. Вне законов трагедии и распределение ролей, а точнее, масок. Одним — маска пророков, другим — фарисеев, третьим — колпак с погремушками. И все же перед нами трагедия в том смысле, что в этом странном театре нет пределов возможного опошления истины: во-первых, самим фактом лицедейства вокруг нее, во-вторых, изрядной долей самообмана. Именно их сложение дает множество потенциально возможных вариантов коверкания истины, выворачивания диалектики наизнанку. Логика этого «театра», не останавливаясь перед именами классиков, возносит их для того, чтобы возвысить (как бы между прочим) также и самого себя, глаголет языком абсолютных истин, дабы скрыть тривиальность суждений, претендует на всеведение, чтобы скрыть за этим очевидную методологическую слабость.

Почему и зачем появлялись статьи, объемистые книги, весь пафос которых состоял в возвращении науки к прописным истинам марксизма? Не видно в этом никакой научной надобности, но зато отчетливо просматривается другая «сверхзадача»: сформулировать идеологическую установку, вооружиться и вооружить своих единомышленников для борьбы с оппонентами всеми доступными средствами, включая и своего рода идеологическую «картечь» — раздачу политических ярлыков. К собственному голосу в науке, дабы был слышнее, добавить, таким образом, толику металла, причем не обязательно благородного...

Вовсе не для того, чтобы из любопытства еще раз взглянуть на изнанку «научной» полемики 70-х — начала 80-х годов и ее образцы, а с целью извлечь уроки на будущее есть смысл обратиться хотя бы к одному материалу, развернувшему, пожалуй, самый широкий спектр возможностей подобного рода аргументации. Речь идет об обзоре писем на упоминавшуюся уже статью Н. П. Дуби-

нина [8], в которой представлены не только мнения квалифицированных читателей, но и позиция журнала, опубликовавшего статью.

Впрочем, дело не в том, какую точку зрения отстаивает в данном случае тот или иной автор, защищает ли он приоритет социального над биологическим или мысль о биосоциальной природе человека или пытается разобраться в тонкостях этого вопроса. Дело в самом стиле аргументации, столь характерном для методологии застоя, который можно было обнаружить в массе других, порой весьма уважаемых изданий. В освещении автора обзора картина, надо сказать, выдержана в строгой черно-белой гамме. «Белая» метка тем, кто согласен с Н. П. Дубининым, «черная» — тем, кто возражает ему хотя бы в частностях. Но, как ни странно, именно в оттенках черного цвета обнаруживается богатство критической палитры обозревателя и большие возможности внеаучной аргументации в литературе 70-х — начала 80-х годов. Одному автору письма в назидание адресуется, например, упрек в «некритическом отношении к несовершенным выводам естествоиспытателей», другому — «непонимание диалектики превращенной формы», третьему — «совершенно чуждые нам научные и идеологические позиции», четвертому — «ложное выступление» [8, с. 110—111] и т. п.

Повторение прописных истин, как мы видим, далеко не безвредно для науки. Кажущееся процедурой безобидной и даже — в педагогическом отношении — полезной, оно создает иллюзию решения проблем, на деле оставляя их в «лежащем» положении. Более того, создает непреодолимые иногда препятствия для движения научной мысли, служит средством навязывания ей вполне определенных истин, «важных в теоретическом отношении» и «незаменимых в практическом» только для бюрократической элиты, заинтересованной в сохранении «статус кво». Длительное накопление этих, так сказать, «лежащих вопросов», нагромождение «абсолютных истин» рано или поздно приводит к лавинообразным процессам, способным в течении года-двух разрушить то, что общим трудом людей создается десятилетиями. В нашем обществе эти разрушительные процессы, к счастью, приостановлены перестройкой. Пойдут ли они дальше? Последнее зависит от того, насколько беспристрастно мы скажем о том, что было в нашей науке и философии, и насколько решительно откажемся от наследия сталинизма и застоя.

Список литературы

1. Садовский Г. Разработана ли в марксизме категория сущности // Коммунист. 1983. № 3.
2. Дудель С. Развитие ли это марксистско-ленинского учения о противоречиях? // Коммунист. 1988. № 7.
3. Дубинин Н. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11.
4. Ильенков Э. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2.
5. О состоянии и направленности философских исследований // Коммунист. 1979. № 15.
6. Степин В. Взаимоотношение философии и естествознания в истории советской науки (размышления над книгой Лорена Грехэма) // ВИЕТ. 1990. № 2.
7. Габченко В. В качестве игры... // Коммунист. 1978. № 4.
8. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1983. № 14.